

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*В период правления
Надир-шаха
существовали три
известных алмаза. Два
из них стали настоящей
легендой, а третий
должен был лежать в
этом сейфе.*

Чингиз Абдуллаев



ЭКСМО

Кубинское
каприччио



Чингиз Акифович Абдуллаев

Кубинское каприччио

Серия «Дронго», книга 66

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177618
Кубинское каприччио: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-22371-8

Аннотация

Перед смертью ювелир написал завещание, в котором упомянул о знаменитом алмазе «Аббас-шах». Но когда наследники открыли его личный сейф, алмаза там не оказалось. Не долго думая, они обратились за помощью к сыщику Дронго, который, как всем известно, способен распутать самое загадочное дело. Сыщик сразу же установил круг подозреваемых и начал отсеивать тех, кто имел железное алиби. Но неожиданно его список стал уменьшаться совсем по другой причине – кто-то начал убивать подозреваемых одного за другим...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чингиз Абдуллаев

Кубинское каприччио

Двумя самыми распространенными причинами несчастья большинства людей являются, с одной стороны, незнание того, как мало им нужно, чтобы быть счастливыми, а с другой – мнимые потребности и безграничные желания.

Клод Гельвеций

Лицо, сборное Лицо его земляков, уроженцев его родного края, его народа – кровного, родного, с которым он был бы счастлив и горд оказаться достойным, став единым несокрушимым оплотом против темного хаоса ночи, – Лицо, чудовищное, не алчно всеядное и даже не ненасытное, не обманувшееся в своих надеждах, даже не досадующее, не выжидующее, не ждущее и даже не нуждающееся в терпении, потому что Вчера, Сегодня и Завтра есть суть Неделимого, Одного. Вот так и дядя говорил еще два, три или, может, четыре года тому назад, и чем он становился взрослее, тем он все больше убеждался, что так вот все оно и было, как говорил дядя: «Ты понимаешь, все это Сейчас. Вчера не кончится, пока не наступит Завтра, а Завтра началось десятки тысяч лет тому назад».

Уильям Фолкнер. «Осквернитель праха»

Глава 1

Вечером погода испортилась. Пошел дождь. Не очень сильный, но достаточно неприятный, для того чтобы разогнать большинство случайных прохожих. Он быстро оделся и вышел на улицу. Зонтик он с собой не взял. В Баку вообще люди почти никогда не ходили с зонтами. Не потому, что зонтики здесь не пользовались особой любовью. Их невозможно было использовать. При бакинском северном ветре зонтики просто выбивало из рук или они сразу ломались. Поэтому люди предпочитали укрываться от сильного дождя в подъездах домов, пережидая непогоду. Но он любил такую погоду, любил дождливую осень, которая была столь нечастым явлением в его родном городе. Поэтому он вышел на улицу, чтобы пройтись вокруг дома.

Но, как только он вышел из дома, сразу зазвонил его мобильный телефон. Тот самый, номер которого почти никто не знал. Дронго нахмурился, достал аппарат и услышал голос Эдгара Вейдеманиса, своего друга и напарника.

– Добрый день. Как у тебя дела?

– Идет дождь. А как у вас?

– В Москве холодно. Все как обычно.

– Что-нибудь случилось?

– Тебя срочно ищут. Просили перезвонить по бакинскому номеру. Говорят, что могут вылететь к тебе в Москву. Мы не

стали уточнять, что ты сейчас находишься в Баку.

– Кто звонил?

– Твой двоюродный брат. Оставил телефон и просил срочно перезвонить. Продиктовать номер?

– Диктуй, – вздохнул Дронго.

Еще через минуту он перезвонил своему родственнику и узнал, что его ищет по очень важному делу самый близкий друг его двоюродного брата. По кавказским традициям отказать было нельзя. Дронго подумал, что если каждый из его родственников, проживающих в Баку, хотя бы один раз позвонит ему по подобным вопросам, то он должен будет до конца жизни заниматься расследованиями, связанными с друзьями и знакомыми его родных. Но отказать было невозможно. Они договорились, что он примет этого человека завтра днем. Вечер был безнадежно испорчен. Дронго повернулся и пошел обратно домой. Он думал отдохнуть здесь несколько дней, в тишине своей бакинской квартиры, но теперь нужно было принимать незваного гостя.

На следующий день этот молодой человек появился у него ровно в два часа дня. Незнакомцу было лет тридцать пять или чуть больше. Он был среднего роста, розовощекий, со светло-русыми волосами, немного курносый носом, что было не совсем характерно для местных жителей. Вошедший представился как Борис Измайлов. Дронго провел его в гостиную и, после того как они расположились в глубоких креслах, выразил готовность выслушать своего гостя.

– Извините, что нашел вас таким необычным образом, – сразу начал Измайлов, – но у меня просто не было другого выхода. Я прилетел из Киева только на несколько дней.

– Как раз для Баку это обычный способ, – весело возразил Дронго, – чтобы заставить меня вас принять, вы вышли на моего родственника. Учитывая, что здесь многие дела решаются подобным образом, через родственников и знакомых, то все это в порядке вещей. А вы живете в Киеве?

– Да, у меня там небольшой магазин, – смущенно ответил Измайлов, – но я родом из Баку. Дело в том, что я представитель известной семьи ювелиров Измайловых. Может, вы слышали про моего дедушку – Бориса Ибрагимовича Измайлова, который жил в Баку еще в середине прошлого века.

– Конечно, слышал, – кивнул Дронго, – он был известным ювелиром. Его многие помнят до сих пор. Мне рассказывали, что во время Великой Отечественной войны он кормил сразу несколько семей фронтовиков, помогая вдовам и детям.

– Верно, – обрадовался молодой Измайлов, – меня называли в честь дедушки Борисом. И я тоже занимаюсь немного ювелирным делом. Как и мой отец. Как и мой дядя.

– Теперь понятно. Я слышал про вашу фамилию. Вы ведь живете в Азербайджане уже много лет. Говорят, что ваш прадед – Ибрагим Измайлов – был ювелиром еще в царской России. Вы ведь горские евреи и родом из Кубы, верно?

– Мы говорим, из Красной Слободы, – улыбнулся Борис

Измайлов, – дело в том, что многие просто не понимают, что такое Куба. Они считают, что это тот самый Остров свободы, которым правят братья Кастро. Они не знают, что это довольно известный город в Азербайджане, и он даже был центром знаменитого Кубинского ханства. Поэтому мы обычно уточняем, что мы из Красной Слободы, которая находится на другом берегу Кубы. Вы же знаете, что там живут только горские евреи.

– Я у вас бывал, – ответил Дронго, – поразительно интересное место.

– Спасибо. Мне очень приятно, что вы слышали о моих дедушке и прадедушке.

– А теперь расскажите, зачем вам нужно было меня увидеть, – попросил Дронго.

– Мы потомственные ювелиры, – повторил Борис Измайлов, – и у меня сейчас небольшой магазин в Киеве. У моего старшего брата есть магазин в Санкт-Петербурге. Он должен прилететь в Баку через два дня. У нашего дяди был небольшой магазин в Баку на Торговой улице, как раньше называли улицу имени Низами, но он его продал несколько лет назад. Он намеревался уехать в Израиль, хотел умереть там. Несколько раз туда ездил, даже присмотрел там небольшую квартиру. В Хайфе. Вы, наверно, знаете, что в Хайфе и в Натанье живет большинство евреев, переехавших в Израиль. И не только евреев, там полно азербайджанцев, лезгинов, курдов, которые уезжают туда как родственники евреев.

– Я бывал и в этих местах, – рассмеялся Дронго, – и примерно представляю, какое количество наших бывших соотечественников там живет...

– Мой дядя – Семен Борисович Измайлов – в последние годы тяжело болел. Врачи считали, что у него онкология, но его еще можно спасти. И он добровольно соглашался на химиотерапию. Очень переживал, что лысеет. У нас всегда традиционно были хорошие волосы. Извините, – вдруг испугался Борис, – я не хотел вас обидеть.

– Учитывая, что я лысоват, это неосторожное заявление, – притворно нахмурился Дронго, – но будем считать, что это ваш первый прокол. Давайте дальше...

– Большую часть своего состояния он вкладывал в алмазы, – пояснил Борис, – несколько мелких камней он даже возил с собой в Израиль. Разумеется, об этом никто не знал.

– В это верится с трудом, – сразу возразил Дронго, – насколько я слышал, ваш дядя был очень осторожным и предусмотрительным человеком. Я думаю, что он заранее договаривался с кем-то из таможенников, чтобы ему позволили беспрепятственно провезти свои камни в Израиль. Из Баку летают самолеты в Тель-Авив.

– Возможно, – сразу согласился Борис, – но я его об этом никогда не спрашивал. В общем, там не было ничего особенного. Камни стоимостью от пяти до двадцати тысяч долларов.

«Ничего особенного», – подумал Дронго, но никак не про-

комментировал эти слова Измайлова.

– Однако большую часть своего состояния он вложил в алмаз «Шах Аббас». Вы, наверно, слышали его историю?

– Никогда не слышал. И вообще впервые слышу, что есть такой драгоценный камень.

– Это очень интересная история. Дело в том, что в период правления Надир-шаха существовали три самых крупных алмаза, два из которых стали настоящей легендой. Первый был назван в честь Надир-шаха. Второй назывался «Кохинором», а третий, о котором почти не было никаких сведений, был в три раза меньше, и его называли в честь Аббаса Третьего, который был правителем Ирана, когда Надир-шах был регентом государства. Как вы, наверно, знаете, он правил Ираном больше десяти лет.

– Почти семнадцать, – поправил своего собеседника Дронго, – из них одиннадцать был шахом Ирана.

– Что? – несколько удивился Борис. – Вы так хорошо знаете историю?

– Азербайджан тогда входил в состав государства Сефевидов, – напомнил Дронго, – а затем, после отражения афганского и турецкого нашествий, большая часть вошла в состав державы Надир-шаха. Знать историю своего государства, по моему, нормально.

– Да, правильно. Но сейчас не все так интересуются историей. В общем, он правил много лет. И эти три драгоценных камня были в сокровищнице Надир-шаха. О них есть упо-

минание в воспоминаниях французского посла, посетившего Надир-шаха в тысяча семьсот сороковом году. Как раз за два года до этого Надир-шах вторгся в Индию и взял столицу Великих Моголов – Дели. А еще через семь лет против великого правителя Надир-шаха устроили заговор и его убили, – продолжал Борис. – И после убийства Надир-шаха в Иране начались столкновения, феодальные раздоры между двумя кланами – Зендами и тюркской династией каджарских ханов, которые в конечном итоге захватили власть в Иране почти на сто пятьдесят лет...

– У меня есть даже друзья в Баку, которые являются прямыми потомками Каджарской династии, – подтвердил Дронго, – например, ректор нашей музыкальной академии, народный артист СССР Фархад Бадалбейли. Все это очень интересно, но какое отношение имеет к нашей встрече?

– Когда Надир-шах взял Дели, он овладел сокровищницей Великих Моголов. Общеизвестно, что среди ценностей, которые он вывез из Дели, был и знаменитый алмаз, названный в честь Надир-шаха. Спустя почти сто лет этим драгоценным камнем правитель Ирана Фетх-Али-шах расплатился за убийство русского посла Грибоедова. Этот известный камень сейчас находится в Алмазном фонде.

– Познавательное, – вежливо заметил Дронго, – по-моему, я читал об этом у Тынянова. И видел алмаз «Шах» в Алмазном фонде в Москве. Но при чем тут другие алмазы?

– Их было три великих камня. Первый – крупный и са-

мый большой, который назвали в честь Надир-шаха. Второй «Кохинор», история которого тоже очень любопытна. А третий камень был более чем в три раза меньше, и его, словно в насмешку, назвали по имени Аббаса Третьего, который был сыном Тахмасиба и при котором Надир-шах был регентом. Называть оба алмаза «шахами» было невозможно, поэтому их различали.

– Теперь ясно. Что случилось с этим алмазом?

– Он оставался у Каджаров до тысяча девятьсот двадцать пятого года, пока к власти в Иране не пришла династия Пехлеви. И тогда племянник Ахмед-шаха Фаид-хан бежал с этим камнем в Париж. Где он и пребывал до сорок шестого года, пока его не выкупил известный армянский ювелир Ашот Манукян, который и привез его обратно в Иран, точнее в Тебриз, где в это время была революция. Есть сведения, что у Манукяна этот алмаз отобрали. Возможно, реквизировали. О нем вспоминал известный азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов, который в это время был руководителем «чрезвычайной тройки», посланной в Южный Азербайджан по предложению самого Сталина. Во время революции в Иране камень пропал, но его, очевидно, вывезли в Северный Азербайджан, когда большая часть революционеров переехала обратно в Баку из Тебриза, после того как революция была подавлена. Говорят, что американцы пригрозили атомной бомбой, если Советский Союз не выведет свои войска из Южного Азербайджана. А Сталин хотел соединить

обе части Азербайджана в единое целое.

– Не знаю, как Сталин, но, по-моему, это было бы естественно, – заметил Дронго, – немцам разрешили объединиться, о корейцах все время говорят, а азербайджанцам, разделенным на две страны, не разрешают даже думать об этом. При том, что в Иране живет в два с лишним раза больше азербайджанцев, чем в Северном Азербайджане. И у них нет ни одной школы на родном языке.

– Я знаю, – сказал Борис Измайлов, – у нас традиционно были хорошие связи с ювелирами из Тебриза. Таким образом алмаз «Шах Аббас» оказался в Баку, где и находился до конца восьмидесятых. Затем начались известные события, когда распался Советский Союз и в Азербайджане в течение пяти лет сменились семь руководителей...

Дронго мрачно кивнул. Он хорошо помнил эти времена.

– Мой дядя был самым известным ювелиром в Баку, – продолжал Борис. – Собственно, из известных стариков на тот момент остались только двое – Расул Расул-заде и Семен Измайлов. Первому предложили этот бриллиант, но он сразу отказался. Цена была слишком большой. Мой дядя согласился. К тому времени он уже открыл свои филиалы в Санкт-Петербурге и Киеве, собирался открыть магазин в Москве. В общем, он нашел деньги. Большие деньги. И сумел выкупить этот алмаз.

– Подождите, – прервал его Дронго, – значит, магазины в Санкт-Петербурге и Киеве открывал ваш дядя, а не вы с

братом?

– Нет, конечно. Открывал именно он. Вернее, открывали мы, но на его деньги. Он считал, что наша семья должна налаживать такие связи. И послал меня с братом в эти два года. А в Москву собирался сам переехать. Но после того как купил этот алмаз, он решил не торопиться с переездом. Тогда как раз в Баку пришел к власти Народный фронт и многие отсюда уезжали.

– Но он не переехал?

– Тогда многие отсюда уезжали, – повторил Борис, – но мой дядя остался. Дела у нас пошли неплохо, мы высылали ему половину доходов. В начале девяностых было, с одной стороны, очень трудно, так как не существовало вообще никаких правил и законов, а с другой – очень легко, цены были просто смешные. В общем, потом мы выкупили эти магазины. Сначала я, а через некоторое время и мой старший брат. Но через несколько лет наш дядя серьезно заболел. И начал выезжать в Израиль на лечение.

– И вы уже тогда знали, что он купил этот алмаз?

– Конечно, знали. И я, и мой старший брат. К этому времени наш отец умер, и дядя заменил нам его. Мы все очень дружили, часто приезжали к нему. В последние годы он больше жил не в Баку, а в Красной Слободе. Говорил, что там особый воздух. У нас там большой дом, принадлежавший еще его дедушке. И ему там очень нравилось. Алмаз был у него, он несколько раз показывал его нам. Он даже внеш-

не похож на знаменитый алмаз «Шах», как называют камень «Надир-шах». На том камне, который находится в Алмазном фонде в Москве, выгравированы три надписи. Первая относится к концу шестнадцатого века и гласит, что камень принадлежит индийскому правителю Бурхану Низаму. Но есть сведения, что уже тогда этот камень отобрал правитель Великих Моголов Акбар. И следующую надпись на камне сделал его внук Джехан-шах, сын Джахангир-шаха, уже через полвека, в тысяча шестьсот сорок первом году. И, наконец, третью запись сделали по приказу самого Фетх-Али-шаха за пять лет до того, как камень был передан русскому царю Николаю Первому.

Борис достал из кармана записную книжку и посмотрел в нее. Очевидно, ему было необходимо уточнить какие-то даты, которые он мог перепутать или забыть. Положив книжку в карман, он продолжал:

– Второй камень – «Кохинор» – был найден еще в пятьдесят шестом году до нашей эры и находился у индийских правителей почти полторы тысячи лет. В тысяча триста четвертом году он оказался у султана Аладдина Кхина в Дели, а затем в тысяча пятьсот двадцать шестом году завоеватель Бабур вторгся в Индию. Его сын Хумаюн подарил этот камень персидскому шаху. И он оказался тоже в сокровищнице иранских правителей. Говорят, что Надир-шах, увидев этот камень, воскликнул, что это гора света. И с тех пор «Кохинор» так и называли. В переводе с фарси это «Гора света».

Но потом Надир-шаха убили, и этот камень один из его полководцев – Абдали – увез в Афганистан. В начале девятнадцатого века лахорский царь Рахат Сингх вернул его в Индию, и, когда там вспыхнуло восстание сипаев, было решено переправить этот камень в Великобританию. Уже в тысяча девятьсот одиннадцатом году этот алмаз был огранен и вставлен в Королевскую государственную корону Великобритании для королевы Марии. На сегодняшний день «Кохинор» один из самых известных камней в мире. И все три камня связаны с именем Надир-шаха, – закончил повествование о камнях Борис Измайлов, – но если первые два известны всему миру, то о третьем почти ничего не известно. Хотя на нем есть одна надпись, относящаяся к периоду правления Великих Моголов. Я видел эту надпись. И видел этот камень.

– Вы хорошо подготовились к нашему разговору. Выписали все даты и названия.

– Речь идет о таком уникальном алмазе, – вздохнул Борис, – я еще тогда начал собирать все материалы. Ведь это такая гордость для нашей семьи, что третий камень Надир-шаха находится именно у нас.

– Тогда давайте закончим с историей и вернемся в наше время, – предложил Дронго. – Значит, речь пойдет о третьем алмазе, названном в честь Аббаса Третьего. Верно?

– Правильно. Все три камня висели над тронном Надир-шаха и были окружены изумрудами и рубинами. Как раз

о них и писал французский посол. Об этих трех камнях. Но два больших алмаза находятся в Москве и в Лондоне. А третий, самый маленький и самый изящный, был у моего дяди.

– Опасная вещь, – заметил Дронго, – обладание подобным сокровищем редко приносит счастье его владельцу. Скорее наоборот. Чем более известен камень, тем больше на нем крови.

– Поэтому я и пришел к вам, – оживился Борис, – дело в том, что этот алмаз пропал. И поэтому мне нужна ваша помощь.

– Понятно, – уныло сказал Дронго, – теперь я понимаю, почему вы так долго готовили меня к этому известию. И куда он мог деться?

Глава 2

Он начал понимать, что всего лишь пытается найти убежище, в котором можно спрятаться, отсидеться, остаться одному, чтобы ни с кем не встречаться. Одинаковые квартиры в Москве и в Баку, одинаковая мебель, одинаковая посуда, занавески, книги, люстры, обои, постельное белье, телефоны. Иногда он забывал, в каком городе находится. А затем вдруг начинал ловить себя на том, что и в Италии, где жила Джил с детьми, пытается создать некое подобие своих городских квартир. И это его пугало.

Известный всему миру под странным именем Дронго, он предпочитал жить один, стараясь реже выходить из дома, не бывать на различных презентациях и встречах. Но жить затворником не совсем получалось. Слишком большой круг знакомых, достаточное количество людей, которым просто невозможно отказать, и, наконец, его расследования, в ходе которых он знакомился с еще большим количеством людей, которые становились его знакомыми и друзьями.

Он не хотел признаваться в этом даже самому себе, но ему нравилось дело, которым он занимался. Ему казалось, что благодаря его усилиям количество зла в этом мире несколько сокращается. И хотя Дронго был достаточно разумным человеком, чтобы не считать себя неким мессией, в душе он полагал, что свои способности просто обязан использовать

на благо людей. Хотя в последние годы он разленился и не любил, когда его отвлекали по пустякам.

И если в Москве ему помогали Вейдеманис и Кружков, то в Баку он предпочитал отсиживаться дома, стараясь не принимать незнакомых гостей и тем более не проводить независимых расследований. Здесь ему было даже легче, чем в Москве, он знал гораздо большее количество людей. И одновременно сложнее, так как подобное знание предполагало разумную осторожность в своих действиях, чтобы не обидеть никого из многочисленных родственников или знакомых. Он согласился принять Бориса Измайлова только потому, чтобы не обидеть своего родственника. Но по мере того как этот молодой ювелир рассказывал ему историю драгоценных камней, он понимал, что теперь ему придется заняться поисками алмаза, о котором он никогда ранее не слышал.

– Мой дядя умер три месяца назад, – вздохнул Борис, – вы знаете, как хоронят в Азербайджане. И вообще как принято хоронить у евреев и мусульман. Он умер рано утром, и уже до захода солнца мы должны были похоронить его на нашем старом кладбище в Баку. Он умер в своем доме, в Красной Слободе, но здесь похоронены его отец и два старших брата. Поэтому мы перевезли его в Баку и похоронили рядом с ними. На следующий день. А потом начали искать этот проклятый алмаз. И нигде не нашли. Ни в нашем старом доме в Красной Слободе, где он находился в особом тайнике, о

существовании которого никто не знал, ни в его бакинской квартире. Мы перерыли дом и квартиру до последней нитки, вывернули все наизнанку. Даже заплатили специалистам, чтобы они приехали к нам с особой аппаратурой и проверили, где мог быть спрятан этот алмаз. Мы вскрыли ячейку дяди в местном банке, получили разрешение проверить, что там находится. Но там были только его письма и немного денег. Алмаза нигде не было.

– А может, он его продал? Вы же сами говорите, что он несколько раз летал в Израиль, лечился от тяжелой болезни. Вполне возможно, что ему требовались для этого большие деньги. Сколько мог стоить этот алмаз?

– Я думаю, что около полутора миллионов долларов, – осторожно предположил Борис Измайлов, – но он его не продавал. Это мы точно знаем.

– Откуда такая уверенность?

– Вот его письмо, адресованное нам с братом. Мы нашли его в банке. – Измайлов протянул письмо Дронго, и тот стал читать:

«Мои дорогие Асиф и Боря. Спасибо вам обоим за все, что вы для меня сделали за последние три года. У меня не было детей, и я всегда считал вас своими самыми близкими людьми. Вы об этом знаете. Если вы читаете эти строки, значит, меня уже нет в живых. Я оставил это письмо в банке. Завещаю вам все свои сбережения, дом в Красной Слободе, квартиру в Баку и, конечно, тот самый камень, про который

вы знаете. Я вложил в него почти все свои деньги и считаю, что сделал хорошее вложение для нашей семьи. Пусть этот камень останется в нашей семье. Ювелиров Измайловых хорошо знали в бывшем Советском Союзе, теперь будут знать во всем мире. И еще у меня есть два небольших счета в израильском и французском банках. Номера счетов я прилагаю. Можете ими воспользоваться. Спасибо вам за все. Я был очень счастлив, что у меня были такие умные и достойные племянники. И деньги, которые я с вас брал, были нужны не мне. Я хотел приучить вас к порядку, к зарабатыванию денег, к умению бережливо относиться к своим доходам и экономно расходовать заработанное. Думаю, что у меня все получилось. Вы оба крепко стоите на ногах, и мне больше ничего не нужно. Прощайте. Мое завещание находится тоже здесь. Сделайте все, как я написал. Ваш дядя Семен».

– Очень достойное письмо, – задумчиво сказал Дронго, возвращая письмо, – он был интересным человеком.

– Очень, – согласился Борис, забирая письмо и бережно складывая его пополам. Затем положил письмо в карман.

– Сколько денег оказалось на счетах? – уточнил Дронго.

– В израильском банке около сорока тысяч долларов, а во французском около семидесяти, – сообщил Борис.

– Солидно, – заметил Дронго, – значит, версию о том, что у него не было денег на оплату лечения, мы сразу отвергаем.

– Конечно. Его пятикомнатная квартира в старом доме в Баку тоже стоит тысяч семьсот или восемьсот. А еще наш

дом в Красной Слободе. Двухэтажный дом, который тоже стоит недешево. В общем, он был не самым бедным человеком. Было бы смешно, если бы я не сказал вам этого. Он был ювелиром в третьем, даже в четвертом поколении.

– Это я уже понял. Извините, что буду вынужден задать вам несколько неприличный вопрос. Каково ваше состояние? И состояние вашего брата?

Борис усмехнулся. Провел рукой по непослушным курчавым волосам.

– Все правильно, – сказал он, – мы самые главные подозреваемые. Но зачем нам воровать у самих себя, если этот камень нам все равно завещали. Мы очень обеспеченные люди.

– Вы не ответили на вопрос.

– У меня есть большая квартира в Киеве, свой магазин в центре города, три автомобиля, дача. У брата есть две квартиры в Санкт-Петербурге и магазин даже побольше моего. В общем, я думаю, что я «стою» миллиона два, а мой брат даже больше. Понимаете? Мы совсем не бедные люди. Хотя дядя и отец приучили нас к бережливости. Вы не смотрите на мою одежду или часы, мы просто не привыкли тратить большие деньги на самих себя. Нас совсем по-другому воспитывали.

– Всегда считал, что нужно учиться у евреев воспитывать своих детей и умению зарабатывать деньги, – признался Дронго, – ничего плохого в этом не вижу. Хотя сам бы так не смог, бережливость не по мне.

– У каждого свои проблемы, – улыбнулся Борис, – но я пришел к вам за помощью. Мы хотим найти этот алмаз, хотим его вернуть в нашу семью. Дядя считал, что этот алмаз должен находиться у нас в семье, и поэтому мы обязаны выполнить его последнюю волю.

– Это я уже понял. Как умер ваш дядя?

– В своей постели. Заснул и не проснулся. В последнее время он сильно болел. Я часто бывал у него. Но за два дня до этого... до его смерти... он почувствовал себя гораздо лучше. А у меня были дела в Киеве. Я улетел в Киев. Но с ним оставался Асиф, мой старший брат. Мы договорились, что будем дежурить по очереди. Когда мне утром позвонили, я сразу взял билет и прилетел обратно в Баку. Асиф уже успел распорядиться, чтобы все приготовили к похоронам, сообщил людям, выбрал место на кладбище, рядом с нашим отцом. И перевез тело дяди в Баку, где мы его и похоронили.

– Кроме Асифа, кто-нибудь был в доме рядом с покойным?

– Его сиделка. Она все время была рядом с ним. Очень хорошая женщина, спокойная, работающая, выдержанная. Фатьма-ханум. Я знаю ее с детства. Она работала в местной кубинской больнице санитаркой, но мы уговорили ее остаться рядом с дядей. Конечно, мы ей платили.

– Ваш старший брат позвонил и сообщил, что дядя умер?

– Да. И я сразу прилетел.

– В момент смерти вашего дяди в доме были только ваш

брат и сиделка?

– Нет. Конечно, нет. Кроме них, были еще несколько человек. Он к утру почувствовал себя совсем плохо. И тогда они стали всех обзванивать. Почти сразу приехала наша родственница Хуршида. Ее мать была троюродной сестрой матери моего отца и дяди. И она часто приезжала специально, чтобы за ним ухаживать, как наша родственница.

– Кто был еще? Кто был с ним в момент смерти?

– Непосредственно рядом был врач. Генрих Соломонович Мильман. Он очень известный врач и один из немногих, кто не уехал в Израиль. В последние дни он часто бывал у нас в Красной Слободе. И даже оставался ночевать в нашем доме.

– Ему, кажется, лет сто?

– Только восемьдесят, – улыбнулся Борис, – и он был очень хорошим другом нашей семьи. Очень близким. Вот, собственно, и все. Никто из них не мог взять алмаз, в этом я уверен. Да и мой дядя был не тот человек, который будет всем рассказывать об этом камне.

– Только четыре человека? И больше никого не было рядом с ним?

– В тот момент никого. Но в квартире бывали некоторые люди. Мы составили с братом список, хотели проверить каждого. У дяди был водитель – Иса Ашуров, который работал с ним последние восемь лет. Он тоже часто бывал в бакинской квартире и в доме, который находился в Красной Слободе. К нам часто приезжал сын Хуршиды – Туфан, который живет

и работает в самой Кубе. В Красной Слободе дяде обычно помогал по дому его садовник – Гулам Мустафаев. У дяди Семена был помощник, которому он продал свой магазин. Осетин. Зинур Марчиев. Очень способный ювелир, сейчас неплохо развернулся. Но это все люди достаточно близкие нашей семье и нашему покойному дяде. – Борис Измайлов достал список и просмотрел все фамилии. Затем кивнул: – Только эти люди. И еще Валида, женщина, которая жила в Баку, но часто приезжала к дяде в Красную Слободу и оставалась у него в доме. Красивая женщина, вдова. По-моему, она нравилась моему дяде, очень нравилась.

– А вы говорите, что никого не было. Довольно большой список подозреваемых.

– Какие они подозреваемые? Это люди, которые были рядом с нашим дядей все его последние годы, помогали ему жить. Никого из них мы не подозреваем, просто составили список, чтобы понять, куда мог пропасть этот алмаз. Но из них только Марчиев мог знать истинную цену камня. Может, еще Валида, но я не уверен.

– Разве она ювелир?

– Нет, – несколько замешкался с ответом Борис и впервые отвел глаза, – но она была достаточно долго рядом с моим дядей, могла знать цену этому камню.

– Вы чего недоговариваете? Учтите, что, если вы рассчитываете на мою помощь, вам нужно быть со мной предельно искренним.

– Да, – кивнул Измайлов, – недоговариваю. Один раз дядя взял ее с собой в Израиль. Оформил ей визу и повез с собой. Мы об этом узнали только спустя некоторое время. Тогда он еще не болел. И не хотел нам говорить об этом. Наверное, стеснялся. Но мы бы его поняли. Ведь ему тогда не было еще и шестидесяти. Он и умер не очень старым человеком, по местным понятиям. Ему было только шестьдесят шесть. Валида по профессии художник, график.

– А почему Валиды не было в Красной Слободе в момент его смерти? Насколько я понял, они были достаточно близки?

– Хуршида ее не любила. Они знакомы еще по Кубе и всегда недолюбливали друг друга. Хуршида на правах родственницы все время выговаривала нашему дяде за эту связь. Она считала, что Валида, в общем... ведет себя не совсем искренне... пытается устроить свою жизнь...

– Что в этом плохого?

– Ничего. Но это обычная история. Женщинам в любой семье не очень нравится, когда появляется молодая особа рядом с их пожилым родственником. Асиф позвонил ей, когда тело дяди было уже в Баку. Она очень плакала во время похорон.

– И ваш дядя ничего не завещал остальным людям? Например, вашей родственнице? Или этой Валиде?

– Он передал для Хуршиды двадцать тысяч долларов, которые были у него дома. Наличными.

– Кто сообщил вам про деньги? Она сама?

– Нет. Он передал деньги через Асифа. Вообще, дядя был очень предусмотрительным человеком, он все расписал в своем завещании, которое мы тоже нашли в банке. У него было два почти новых автомобиля. Один – «Ниссан» – он просил оставить своему водителю, а другой – джип – передать своему садовнику. Часть своего имущества из дома он завещал Фатьме. В общем, никого не забыл.

– Они знали о его завещании?

– Возможно, знали. Но я не уверен. Повторяю, дядя был настоящим ювелиром, а настоящие ювелиры всегда люди немного скрытные.

– Вы тоже?

– Да, наверное. Во всяком случае, в свои профессиональные секреты я не посвящаю ни жену, ни других людей.

– А старшего брата? Вы ему доверяете?

– Конечно. Мы с ним очень дружим. Асиф был любимцем моего дяди. Это человек, которому я верю больше, чем самому себе. Мы не просто родные братья, мы близкие друзья. Так иногда бывает...

– И Валиде ваш дядя ничего не оставил?

– Конечно, оставил. Он купил ей очень неплохую квартиру и оформил ее на имя Валиды. Трехкомнатная квартира. Тогда она стоила тысяч сто, а сейчас, наверно, раза в четыре дороже.

– Судя по вашим словам, он действительно знал о прибли-

жающейся кончине.

– Точно знал. В Израиле, как и в Америке, врачи ничего не скрывают от пациента. Все говорят ему прямо и в лицо. Я все время думал, почему в Америке, в Европе или в Израиле такие бесчувственные врачи. Почему они говорят столь страшные вещи своим пациентам. А у нас такие внимательные и чуткие эскулапы, которые никогда не говорят всей правды даже самым больным пациентам. А потом неожиданно понял. Там верят в Бога. По-настоящему верят. Они считают, что человек должен успеть подготовиться к переходу в иной мир, сделать все свои дела и достойно встретиться с Богом. А наши не верили ни во что. Да и собственности такой у бывших советских людей не было...

– Кроме ювелиров, – иронично заметил Дронго.

– Да, мы были состоятельными людьми и раньше. Но знаете, как тряслись мои дядя и отец каждый раз, когда кто-то стучался в их дверь. Они ведь знали столько секретов.

– И вы пришли ко мне, чтобы я нашел этот исчезнувший алмаз?

– Да. Вы же понимаете, что он для нас значит. Для меня, для моего брата, для всей нашей семьи. Мы просто обязаны его найти и вернуть в нашу семью. Дядя вложил в него почти все свои деньги, отказался от переезда в Москву, продал свой магазин в Баку. Он мечтал, чтобы о нашей семье узнали как о хранителях этого алмаза. Нам нужен этот алмаз. И поэтому я пришел к вам. Мне известна ваша репутация, госпо-

дин Дронго. Вы намного меня старше, опытнее, умнее. Говорят, что вы видите людей насквозь, умеете читать чужие мысли и нет такого преступления, которое бы вы не смогли раскрыть. Назовите любую цену. Скажите, что вам нужно. Мы сделаем все, что вы скажете. Но только найдите этот алмаз. Найдите его как можно быстрее. Я боюсь, что он может исчезнуть навсегда. Его могут распилить или просто продать как драгоценный камень, не понимая истинной цены этого алмаза. Настоящей цены третьего камня из сокровищницы Надир-шаха. Первые два хранятся в надежных местах, и до них никому не добраться. Ни в Москве, ни в Лондоне. Но этот третий камень был для нас не просто алмазом. Он должен был стать символом нашей семьи, нашего могущества, нашей известности. Вы даже не представляете, что это означает среди ювелиров. Если станет известно, что алмаз «Шах Аббас» находится в нашей семье, мы будем самой известной семьей ювелиров на всем пространстве СНГ, может быть, даже в Европе, в мире. Это как обладание «Оскаром». Или Нобелевская премия для писателей. В общем, нам нужно его найти.

– Прошло три месяца, – напомнил Дронго. – Если его украли, то вполне могли за это время куда-то вывезти. Вам не кажется, что мы несколько запоздали с поисками?

– Мы будем искать по всему миру, – твердо сказал Борис, – чего бы нам это ни стоило. Мы уже разместили в Интернете сообщение о том, что алмаз «Шах Аббас» принадле-

жит нашей семье и не может быть продан или передан другим лицам. Вы знаете, сколько откликов мы получили со всего мира? Несколько тысяч. Всем интересно, как этот алмаз попал к нам. Просят выслать его снимки. Рассказать о его истории.

– У вас есть его снимки?

– Конечно. У меня сохранились фотографии этого алмаза.

– Вы можете мне популярно пояснить, чем алмаз отличается от ограненного бриллианта?

– Конечно, – кивнул Борис. – У настоящего бриллианта должно быть пятьдесят семь граней. Это классика. Каждый ювелир об этом знает. Алмаз – это драгоценный камень, его название переводится с греческого как «несокрушимый». Индусы называют алмаз камнем, который не разбивается. Хотя на самом деле это не так. Его можно разбить или разрезать. Ограненные бриллианты ценятся больше, но есть камни, которые становятся известны именно благодаря своей ценности и каратам. Например, алмаз «Надир-шах», который находится в Алмазном фонде в Москве. В нем почти девяносто карат.

– Понятно. Еще один нескромный вопрос. Извините, но я должен его задать. В момент смерти вашего дяди рядом находились его домработница и врач. Пока оставим их в стороне. Но рядом все время был ваш старший брат. Он такой же ювелир, как ваш дядя и вы. Он знал об этом камне, знал его истинную стоимость, ему наверняка было известно, что ваш

дядя хочет оставить алмаз в семье. Понимаю, что вы можете обидеться, но вы не допускаете мысли, что алмаз находится у вашего старшего брата? Ведь насчет алмаза ничего не сказано в завещании. И вполне вероятно, что ваш старший брат мог опасаться, что именно вы захотите забрать этот камень.

– Нет, – не раздумывая, ответил Борис, – я об этом даже не думал. Нужно знать моего старшего брата. Я вас с ним познакомлю, когда он вернется из Санкт-Петербурга. Я ему верю, как самому себе. Он никогда в жизни не смог бы украсть алмаз, чтобы спрятать его от меня. Он вообще предложил, чтобы камень хранился именно у меня. С самого начала предлагал, чтобы дядя передал алмаз именно мне. Я скорее поверю, что сам украл этот камень, чем в то, что это сделал Асиф. Он его не брал, это абсолютно точно.

– Почему он хотел передать камень именно вам? Ведь он старший брат, и было бы логично, если бы алмаз хранился у него.

– Он старше меня на пять лет, – пояснил Борис, – и давно болеет. У него очень высокое внутричерепное давление. Поэтому он не стал бы забирать этот камень и прятать его от меня. Он вообще написал завещание, чтобы все его состояние в Санкт-Петербурге перешло к моему сыну. А вы еще спрашиваете, мог ли он взять этот алмаз. Не мог.

– У него нет своих детей?

– Нет. Это как какое-то родовое проклятие. В нашем роду всегда бывает такой один неприкаянный. У моего деда

был младший брат, который уехал в Америку, жил в Лос-Анджелесе и умер, так и не женившись, хотя у деда было четверо сыновей. Старший умер еще мальчиком, второй погиб на фронте, в Крыму. Третьим был мой отец, у которого было два мальчика, и четвертым – мой дядя Семен, который тоже никогда не был женат, хотя женщины его любили. И он очень любил женщин. Но теперь, уже в третьем поколении, появился мой старший брат, который тоже не собирается жениться. Надеюсь, что в четвертом таких не будет. У меня есть дочь и сын. Правда, еще очень маленькие.

– Вашему старшему брату кто-то помогает в Санкт-Петербурге?

– Да, у него прекрасные помощники. Муж и жена. Иосиф и Света Гинзбурги. Они помогают моему брату, работают в его магазине, ведут все дела в его отсутствие.

– Они приезжали на похороны?

– Нет. Они оставались в Санкт-Петербурге «на хозяйстве». Я же говорю, что брат им очень доверяет.

– Когда в последний раз вы видели этот алмаз?

– За несколько дней до смерти моего дяди. Я держал его в руках. Он такого желтоватого цвета, и его нельзя перепутать с другими камнями. Кроме того, там есть надпись. На самом алмазе. Его не спутаешь ни с одним другим камнем.

– Мне нужно будет поговорить с каждым из тех, кого вы назвали. Я правильно вас понял, что список подозреваемых можно ограничить только этими людьми?

– Больше никто не мог взять камень даже теоретически. Но вся беда в том, что и эти люди вне всяких подозрений. Они даже не могли знать, где находится алмаз, ведь дядя прятал его, а не рассказывал о нем каждому встречному.

– Его домработница, ваша родственница и его... подруга. Три женщины. И пятеро мужчин. Врач, водитель, садовник, сын вашей родственницы и его бывший помощник. Все?

– Да, все. Мы тщательно проверяли этот список. Но сами расспрашивать людей мы просто не можем, они бы на нас обиделись. Каждый из них был рядом с дядей много лет.

– И кроме этих восьмерых... подозреваемых... еще и вы с братом?

– Зачем нам воровать у самих себя?

– А если алмаз был застрахован?

– Он не был застрахован. Если бы дядя вызвал кого-нибудь из страховой компании, мы бы наверняка знали. У нас нет в городе таких крупных компаний, чтобы можно было застраховать на подобные суммы.

– И вы никого не подозреваете?

– Никого. Иначе я бы не стал вас искать. В том-то и дело, что никого.

– Ваш дядя купил алмаз в Баку? Я могу уточнить, у кого именно он купил этот алмаз? Он вам об этом ничего не говорил?

– Конечно, говорил. Но при чем тут прежние владельцы алмаза? Они продали свой товар, и мой дядя его купил. Это

было много лет назад.

– У кого он его купил? – терпеливо спросил Дронго. – Поймите, что я спрашиваю не из праздного любопытства.

– Понимаю, – достаточно мрачно сказал Борис, – я знал, что вы спросите. Но они ни при чем. Алмаз хранился в семье Шекерджийских. Его продал нашему дяде Казым Арсенович Шекерджийский.

– Я могу узнать цену?

– Думаю, что за триста или четыреста тысяч долларов. Но тогда это были просто нереальные, абсолютно огромные деньги.

– А сейчас алмаз стоит в несколько раз дороже. Может, Шекерджийские решили, что их обманули с этой сделкой, и захотели вернуть себе этот камень?

– Как это обманули? – возмутился Борис. – Тогда на эти деньги в Баку можно было купить десять хороших квартир. Десять. Скорее они получили неслыханную прибыль. Дядя Семен мог купить его гораздо дешевле. Он оказался очень порядочным человеком, отдал за этот камень все, что у него тогда было. Просто он хорошо знал ему цену и понимал, что это не просто драгоценный алмаз, а историческая реликвия, которая будет только расти в цене.

– Последний вопрос. К вашему дяде приходил раввин перед смертью?

– Нет. Мой дядя был не очень верующим человеком. Хотя в Израиле он соблюдал все правила. Вы готовы нам помочь?

– Придется, – ответил Дронго, – вы ведь пришли ко мне, уже не надеясь, что вам поможет кто-то другой.

– Да, – признался Борис, – мы действительно уже не верим, что найдем этот алмаз. И вы последняя наша надежда. Кто-то из наших знакомых сказал, что вы можете сотворить чудо. Вот поэтому мы с братом и решили обратиться к вам, надеясь на чудо.

Дронго подумал, что ему предстоят сложные поиски без всякой надежды на успех. Он даже не мог предположить, что этот алмаз принесет еще немало горя людям.

Глава 3

Горские евреи, или, как их часто называют, таты, проживают в Азербайджане, и не только в Красной Слободе. Среди татов есть принявшие ислам и есть принявшие иудейство. Многие живут в Баку, в Шемахе, в Сумгаите, в других крупных городах, находящихся ближе к побережью Каспийского моря. История появления горских евреев связана с легендой о Хазарском каганате, в котором иудаизм был государственной религией. Возникшее в седьмом веке нашей эры государство просуществовало в различных вариациях до начала десятого века. Тюркоязычный народ хазар основал свою столицу в городе Семендер, в нынешнем Дагестане. Но затем арабские нашествия разорили южные области государства, и хазары ушли на Нижнюю Волгу, где возникла новая столица, нареченная Итилем.

Арабские завоеватели требовали, чтобы хазары приняли ислам, а византийская империя требовала от них принятия христианства, но правители Хазарского каганата решили принять иудаизм в качестве государственной религии в семьсот тридцать первом году нашей эры. Примерно в это время хазары начали смешиваться с евреями, изгнанными из Ирана и Византии. Государство хазар уже с начала десятого века подвергалось опустошительным набегам соседей, в том числе и русских князей, и уже к концу этого века переста-

ло существовать. Но часть принявших иудаизм тюркоязычных жителей осела в Северном Азербайджане и Дагестане. Постепенно смешиваясь с местными жителями, они образовали новую народность – таты. Большинство из них стали разговаривать на особом диалекте фарси, близкого к талышскому. В бакинских селениях, расположенных вокруг Баку, татов довольно много. Но это люди, принявшие ислам и говорящие в основном на татском и азербайджанском языках. А вот в Красной Слободе, на другом берегу от города Кубы, оказались потомки горских евреев, некогда принявшие иудаизм, но говорящие на языке татов. В отличие от обычных европейских евреев, их стали называть горскими евреями, или кубинскими евреями, ибо они проживали рядом с городом Кубой. Их имена и фамилии почти не отличались от азербайджанских. Они говорили в основном даже не на татском языке, а на азербайджанском, и лишь очень немногие знали иврит или идиш.

В советские времена особых различий между народами и национальностями, проживающими в одной республике, не делалось. И при переписи многие таты, исповедующие ислам, и горские евреи, исповедующие иудаизм, называли себя азербайджанцами, как и талыши или курды, живущие в составе одной республики и говорящие на одном языке. И если коренные азербайджанцы – это потомки тюркоязычных племен, ныне проживающие на территории Азербайджана, то все остальные имели свои национальные особенности и

даже языки, например, таты, лакцы, талыши, удины, албанцы, аварцы, курды, лезгины.

Самое поразительное, что в самом городе Кубе, рядом с которым находилась Красная Слобода, проживали мусульмане-шииты, тогда как вокруг Кубы было много сел с населяющими их мусульманами-суннитами. Кроме того, в соседних районах жили удины, лезгины и аварцы. А в самой Красной Слободе проживали горские евреи. Не говоря уже о селениях молокан, перебравшихся на Кавказ еще в прошлые века. Но несмотря на такое перемещение народов и религий, люди жили здесь довольно дружно. Вместе обрабатывали плодородную землю, вместе отмечали праздники, вместе защищали свою землю от врагов. Если бы в Кубе или в Красной Слободе, которые отделяла друг от друга небольшая река Кудиалчай, кто-нибудь рассказал о еврейских погромах, потрясавших царскую Россию в начале двадцатого века, или о фашистских гетто, существовавших в Европе уже в середине века, здесь бы очень удивились и не поняли подобного варварства. Более того. Это было одно из немногих мест в мусульманском мире вообще, где мирно проживали шииты и сунниты. Они дружили, женились, брали девушек из соседних сел, отдавали своих парней и не понимали, как можно убивать друг друга из-за религиозной нетерпимости, столь характерной для всего остального мусульманского мира.

И если повсюду в мире ожесточенное противостояние между шиитами и суннитами было почти запрограммиро-

ванной нормой, при которой люди убивали друг друга, то здесь ни о чем подобном даже не помышляли. В Азербайджане вообще не совсем понимали, как можно убивать своего соседа только потому, что он мусульманин иного религиозного направления. И даже вспыхнувшая армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха была тяжелым испытанием для мирных азербайджанцев, привыкших жить в мире и дружбе со всеми соседями, населяющими их страну.

Дронго решил, что выедет в Красную Слободу только послезавтра. Сначала он хотел встретиться и переговорить с различными людьми, имеющими отношение к этому алмазу. Кроме других причин, врач, который лечил Семена Измайлова, сам тяжело болел и находился в Баку. Именно поэтому Дронго попросил Бориса Измайлова подсказать ему адреса доктора Мильмана, бывших владельцев алмаза Шекерджийских и Валиды, которая проживала в квартире, купленной ей покойным ювелиром. Борис, не раздумывая, написал все три адреса и три телефона.

– Выедем в Кубу послезавтра утром, – предложил Дронго на прощание.

– Очень хорошо, – почему-то обрадовался Борис, – как раз послезавтра там соберутся все, кого я указал в нашем списке. Некоторые приедут из города. Все, кроме Валиды.

– Почему?

– Послезавтра будет первый день рождения нашего дяди, который мы отметим без него. Поэтому мы решили собрать-

ся вместе в нашем доме в Красной Слободе и поужинать. Вспомним его.

– Ясно. Тогда завтра я поговорю с людьми, номера телефонов которых вы мне дали. А послезавтра утром мы поедем с вами в Кубу, – решил Дронго.

В этот вечер он долго сидел в кресле, вспоминая свой разговор с молодым ювелиром. Затем подсел к компьютеру и работал до четырех утра, разыскивая нужную ему информацию. Но на следующий день он не поехал ни по одному из указанных адресов. Он решил провести еще одну встречу, до того как начнет встречаться с людьми из списка. Поэтому он позвонил своему давнему другу Натикю, об отце которого говорил Борис Измайлов. Это был один из самых старых и известных ювелиров Баку – Расул Расул-заде.

– У меня к тебе просьба, – попросил Дронго своего друга, – мне нужно срочно встретиться с твоим отцом.

– Он сейчас болеет, – недовольно ответил Натик. – А зачем он тебе нужен?

– По очень важному делу. Хочу с ним проконсультироваться. И кроме него, мне никто не сможет помочь. Ты позвони отцу, извинись и скажи, что я хочу зайти к нему буквально на несколько минут.

– Ладно, – согласился Натик, – он к тебе всегда хорошо относился. Часто спрашивает меня, где ты пропадаешь, почему не заходишь. Когда ты хочешь к ним поехать?

– Прямо сейчас.

– Я все узнаю и тебе перезвоню.

Натик перезвонил через пять минут и сообщил, что его отец будет ждать Дронго. Еще через полчаса они уже сидели вместе в квартире известного бакинского ювелира. Расул Расул-заде был легендой бакинских ювелиров, одним из лучших экспертов в своем деле, человеком, который начал заниматься ювелирным делом еще в тридцатые годы прошлого века. Он был небольшого роста, суховатый, подтянутый, строгий, с кустистыми бровями и редкими седыми волосами. Он принял их в гостиной, строго глядя на сына и его друга. Сначала разговор традиционно шел о здоровье и родственниках. И только когда на стол подали чай, Дронго осторожно перешел к цели своего визита.

– Извините, что вынужден вас побеспокоить, – сказал он, – я хотел узнать у вас об одном драгоценном камне.

– О каком камне? – улыбнулся старый ювелир. – Я могу рассказывать о любом камне целый день. И всю ночь. Какой камень конкретно тебя интересует?

– Алмаз «Шах Аббас». Его предложили вам купить лет пятнадцать назад, – пояснил Дронго.

Расул-заде нахмурился. Покачал головой:

– Откуда тебе это известно?

– Мне рассказал об этом Борис Измайлов. Его дядя Семен купил тогда этот алмаз.

– Верно, – кивнул ювелир, – все так и было. Семен всегда был очень ловким человеком. Вот он и воспользовался си-

туацией. Тогда в городе ни у кого просто не было таких денег. Триста или четыреста тысяч долларов. Очень большие деньги. Люди вообще не держали долларов и не доверяли им, ведь в советские времена за хранение валюты полагался очень большой тюремный срок. И только у Семена Измайлова могли быть такие деньги.

– И он купил этот алмаз? – уточнил Дронго.

– Говорил, что купил. У самого Шекерджийского. Казыма Арсеновича. Это настоящая ценность. Не те бирюльки, которые сейчас привозят из Турции или Ирана. Настоящий алмаз. Очень дорогой.

– Сколько он сейчас может стоить?

– Этот алмаз был у самого Надир-шаха, – улыбнулся Расул-заде, – ты не понимаешь, о чем спрашиваешь. Ему нет цены. Стоить он может полтора миллиона долларов. Или два. Но этот алмаз бесценен. Через десять лет он будет стоить пять миллионов. А через двадцать – все сто. У него нет цены, его держал в руках сам Надир-шах. А до этого он принадлежал династии Великих Моголов, и на нем есть надпись самого Джехан-шаха, того самого, который построил Тадж-Махал. Это великий камень, легенды о котором будут славаться еще тысячи лет.

– Вы его видели? – ошеломленно спросил Дронго. Знать о надписи на камне мог только человек, который держал этот алмаз в руках.

– Да, – кивнул старый ювелир. – Ты сказал, что мне пред-

ложили купить его пятнадцать лет назад. Это правда. Но это было во второй раз, когда я держал в руках этот камень. А в первый раз я увидел алмаз «Шах Аббас» тридцать лет назад. Тогда Арсен Шекерджийский сам принес ко мне свой камень и попросил его оценить. Он очень боялся, что алмаз у него могут отнять. При советской власти не очень жаловали владельцев таких сокровищ. К тому же Арсен Шекерджийский не смог бы вразумительно объяснить, откуда у него появился алмаз самого Надир-шаха. И он все время ждал, когда у него отнимут этот камень. Даже пришел ко мне, чтобы посоветоваться, как можно распилить этот алмаз. Но я его тогда отговорил. Объяснил, что это историческая ценность, которая должна оставаться в семье на самый крайний случай. Я даже думал, что смогу купить этот алмаз. Но я сам оценил его в очень крупную сумму.

– Ваша честность всем известна, – кивнул Дронго, – поэтому он к вам пришел.

– Он пришел потому, что доверял мне, – согласился Расул-заде, – но я тогда не смог его купить. К тому же почти сразу мне позвонил какой-то неприятный старик, который начал мне объяснять, что он родственник Каджаров и камень принадлежит их династии. Я не стал с ним разговаривать. Но меня насторожил этот звонок, значит, кто-то знал об этом алмазе, который хранился у Шекерджийских. А потом, уже в начале девяностых, его сын – Казым Арсенович – обратился ко мне и предложил алмаз уже во второй раз. Но он попро-

сил почти триста тысяч долларов. У меня не было таких денег. И ни у кого не было, кроме Семена Измайлова. Он тогда и купил этот алмаз.

– Как вы думаете, его можно сегодня продать в Баку кому-нибудь из местных ювелиров?

– Нет, – усмехнулся Расул-заде, – конечно, нельзя. У оставшихся в живых ювелиров нет таких денег. Я знаю всех стариков. Сейчас миллионы долларов есть только у бизнесменов или чиновников. Такой алмаз мог бы купить Вахид Алекперов или Тельман Исмаилов. Но обычные люди не могут понять истинной стоимости алмаза «Шах Аббас». А если бы кто-то выставил такой алмаз на продажу, покупатель сразу бы обратился к одному из нас. Чтобы проверить его подлинность. Нас осталось трое или четверо знатоков. И мы бы сразу узнали о том, что алмаз продают. Нет, его никто не продает. Я знаю, что Семен умер три месяца назад. И я был на его похоронах. Он был совсем молодой, только шестьдесят шесть лет. Самый молодой среди нас. И самый дерзкий. Он ведь давно хотел переехать в Израиль, говорил, что собирается купить там дом и жить на берегу моря. Как в Баку. Но не получилось. Он был большой Мастер, настоящий профессионал. Учился еще у старых мастеров бакинской школы. Совсем мальчиком был, а ходил учиться. И никогда не стеснялся узнавать что-то новое. Ему уже сорок лет было, а он мог зайти ко мне и попросить совета. Умный был. Очень толковый. Но алмаза он не продавал. И его племянники про-

давать не будут. Они цену камню знают.

– Вы слышали о Зинуре Марчиеве? Говорят, что он сейчас хозяин в магазине Семена Измайлова.

– Зинур еще очень молод. Ему только сорок пять. Настоящий ювелир обретает мудрость только к шестидесяти годам. Не раньше. Нужно, чтобы тебя не слепил блеск алмазов, чтобы ты чувствовал все грани бриллианта, чтобы умел отличить настоящую работу от подделки. А это приходит только с опытом. Но Зинур учится, у него хорошее будущее.

– Если бы камень вдруг попал к Зинуру, к кому бы он обратился за советом?

– Ему не нужны советы. Он двадцать пять лет работал помощником Семена Измайлова. Все, что нужно знать, он знает. Остальное придет с опытом.

Натик выразительно взглянул на Дронго, давая понять, чтобы тот заканчивал разговор.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарил Дронго, – вы мне очень помогли. – Он хотел подняться.

– Подожди, – остановил его ювелир, – я хочу, чтобы ты понял. Это не просто алмаз. На нем крови больше, чем ты можешь себе представить. Все, кто оказывается рядом с таким камнем, должны быть очень осторожны. Он может разбудить в человеке такие страсти, о которых тот даже не подозревает. Ты меня понимаешь?

– Да, спасибо вам за все. И извините, что я вас побеспокоил.

Они вдвоем спустились по лестнице, вышли из дома.

– Что это за камень, о котором ты все время спрашивал? – поинтересовался Натик. – Как такой алмаз мог попасть в Баку?

– Сейчас я поеду это выяснять, – вздохнул Дронго, – и, судя по всему, твой отец прав. Такой камень опасно держать рядом, он может принести несчастье тому, кто им владеет. Ведь даже великий Надир-шах плохо кончил, его предали самые близкие люди, его собственные телохранители.

– Будь осторожен, – посоветовал ему Натик, – я своего отца знаю. Он бы никогда не стал тебя просто так предупреждать.

Дронго мрачно кивнул. Он принял это предостережение достаточно серьезно, даже не предполагая, что уже сегодня прольется кровь из-за этого алмаза.

Глава 4

Он попрощался с Натиком и направился к зданию Бакинского Совета, рядом с которым жил Шекерджийский. Это была известная в городе фамилия. Двести лет назад Шекерджийские проживали в Болгарии и были тогда турецкими наместниками в этой стране. Большая часть клана Шекерджийских встала на сторону российских войск, когда они вошли в Болгарию освобождать страну от турецкого владычества. И поддержала борьбу болгарского народа за свое освобождение. А несколько семей уехали в Стамбул, опасаясь мести своих соотечественников. В начале двадцатого века одна семья Шекерджийских появилась в Баку в связи с нефтяным бумом и осталась здесь. Если прадед Шекерджийских работал с компаниями Ротшильда и Нобеля, то уже дед был известным красным комиссаром, жестоким и бескомпромиссным, как и все, кто возглавлял подобные комиссариаты в двадцатые годы. В тридцать седьмом его расстреляли. Его жену и троих детей выселили из старого дома, отправив жить на Баилово, бакинскую нефтяную окраину тех лет. Но двое сыновей Шекерджийских ушли на фронт. Один погиб, второй получил несколько орденов и вернулся полковником. Третий работал переводчиком в Управлении культуры. В сорок шестом году именно третий сын Шекерджийских, Арсен, оказался в Иране, где началась революция

в Южном Азербайджане. В сорок девятом советские войска и революционеры, которых они поддерживали, покинули Иран. Младший сын Шекерджийских Арсен неведомым образом получил алмаз, который находился до этого у Ашота Манукяна, сумевшего спасти свою семью от разорительных конфискации и вывезти ее обратно во Францию. Ходили слухи, что именно Арсен Шекерджийский помог семье армянского ювелира покинуть революционный Иран и переправить свое имущество в Европу. За это Шекерджийский, уже работавший заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации революционного комитета, получил некую взятку от Манукяна, размера которой никто и никогда не узнал.

В пятьдесят шестом семье Шекерджийских вернули старый дом, разрешив туда переехать вдове и двум уже взрослым сыновьям, у каждого из которых были свои семьи. Сын полковника Шекерджийского стал известным художником и переехал в начале девяностых в Берлин. Его сестра еще в семидесятые годы вышла замуж за своего однокурсника и уехала с ним с Москву. У Арсена Шекерджийского, который вернулся из Ирана, тоже было двое детей. Его сын Казым стал крупным чиновником, руководил республиканскими ведомствами и работал заместителем министра строительства. В последние годы он вышел на пенсию. Именно у него Семен Измайлов купил тот самый алмаз, который разыскивал Дронго. Младший брат чиновника вернулся в

Болгарию и, женившись на болгарке, остался там еще в восьмидесятые годы.

Из четверых потомков Шекерджийского, переехавшего в Баку в начале двадцатого века, в городе оставался только один его правнук, уже давно вышедший на пенсию. Именно ему позвонил Дронго, попросив о встрече. Казым Арсенович Шекерджийский сначала не понял, кто ему позвонил и зачем.

– Что вам нужно? – старческим голосом недовольно спросил Шекерджийский. – Я уже давно на пенсии, политической деятельностью не занимаюсь. Что вас интересует?

– Я журналист и пишу книгу о революционных событиях в Иране, – пояснил Дронго, – у меня накопилось много материала о вашем отце. Если разрешите, я зайду к вам и задам несколько вопросов.

– О моем отце? – переспросил Казым Арсенович. – Что вы хотите о нем написать?

– О его героической деятельности в Иране, – вдохновенно врал Дронго. – И мне важно с вами встретиться. Я сейчас нахожусь неподалеку от вашего дома. Если вы разрешите, я к вам зайду.

Наступило молчание. Дронго ждал, что именно скажет его собеседник. Наконец тот согласился:

– Ладно. Приходите. Только учтите, что я не смогу ответить на многие ваши вопросы. Прошло шестьдесят лет, и я тогда был мальчиком, который учился в школе. И не все мо-

гу помнить.

– Я вас понимаю, – согласился Дронго, – но у меня только несколько вопросов.

Через двадцать минут он уже был у старого особняка, в котором находилась большая квартира Шекерджийских. На улице Независимости, которая раньше называлась Коммунистической, было много таких старинных особняков рядом с изумительно красивым зданием Бакинского Совета. По счастливому совпадению почти каждый дом на этой улице был своего рода архитектурным памятником, и здесь не строили многоэтажных домов, которые так уродовали весь центр города.

Дронго позвонил, и дверь ему открыла милостивая девушка лет двадцати. Она улыбнулась гостю, приглашая его в квартиру. В большой гостиной его встретил сам Казым Арсенович Шекерджийский. Он был одет в серые брюки, белую рубашку и темно-коричневый шерстяной пуловер. Рукопожатие его было крепким. Ему шел семьдесят шестой год, но было заметно, что он еще достаточно здоровый и крепкий старик. У него были кустистые седые брови, большой нос с горбинкой, несколько вытянутое лицо. Крупная родинка на щеке и резкие морщины придавали ему несколько демонический облик.

– Это вы мне звонили? – мрачно осведомился он.

– Да. Я журналист и хотел бы с вами переговорить, – соврал Дронго, называя первую пришедшую ему в голову фа-

милию.

– Лейла, приготовь нам чай, – попросил Шекерджийский, обращаясь к своей внучке.

– Хорошо, дедушка, – кивнула она.

– Садитесь, – показал он на стулья, стоявшие у стола, таким жестом, словно принимал гостя в своем кабинете.

Они уселись за стол. Шекерджийский внимательно и строго глядел на гостя.

– Что именно вас интересует? – спросил он.

– Ваш отец находился в Иране во время революции, – уточнил Дронго, – говорят, что он работал с самим Фатали Ипекчианом, который был выбран иранским правительством для переговоров с Москвой.

– Да, – сразу оживился Казым Арсенович, – мой отец хорошо говорил на фарси и знал еще несколько языков, в том числе русский, азербайджанский, турецкий, арабский, болгарский и даже немного французский. Его дедушка, наш прадедушка, работал в зарубежных компаниях Ротшильда и Нобеля, которые функционировали в Баку. А самым способным к языкам был мой отец, его младший внук.

– Я об этом слышал. Удивительно, что вашему отцу разрешили работать в Иране, ведь ваш дед был репрессирован в тридцать седьмом и тогда еще не был реабилитирован.

– Мне тоже было любопытно, – кивнул Казым Арсенович, – и я интересовался этим вопросом. Просто в Азербайджане тогда было не так много людей, владеющих несколь-

кими восточными языками. Мой отец подходил почти идеально. И не забывайте, что это было после войны. В Польше при освобождении Кракова погиб мой старший дядя. Второй дядя получил четыре ордена и был командиром танкового гвардейского полка. А потом – командиром танковой бригады и даже исполнял обязанности командира танковой дивизии. Во время войны людям верили гораздо больше, а многих даже возвращали из лагерей. Если бы на войну не пускали всех, у кого были репрессированы родственники, то тогда просто некому было бы воевать. Хотя звания генерала моему дяде все равно не дали.

– И ваш отец оказался в сорок шестом году в Иране?

– Да. Он сам поехал туда. Работал в структурах Азербайджанского народного конгресса. Это все «белые страницы» в истории Советского Союза и Азербайджана. Тогда появилась уникальная возможность наконец соединить две части Азербайджана, но вы знаете, что из этой затеи ничего не вышло.

Внучка принесла чай в стаканах, напоминающих форму груши. В небольших вазочках было два сорта варенья. Из белой черешни и из грецких орехов. И еще была ваза с колотым сахаром. Шекерджийский подвинул вазочки гостю.

– У меня диабет, – вздохнул он, – поэтому я пью чай со своим особым сахаром. – Он достал небольшую коробочку и бросил белую таблетку в свой стакан.

– И ваш отец стал заместителем заведующего отделом аги-

тации и пропаганды, – вежливо продолжал Дронго, – говорят, что он решал, кому можно покинуть охваченные революционным брожением районы.

– Он выдавал разрешения, – кивнул Шекерджийский, – но не только он один. У него были хорошие отношения с Саламуллой Джавидом – министром внутренних дел национального правительства Южного Азербайджана. У нас даже была их совместная фотография. Я могу вам ее показать. Лейла, принеси мне альбом, – попросил он внучку.

Внучка принесла большой старый альбом. Шекерджийский раскрыл его, показывая старую фотографию.

– Третий справа – Гуламрза Илхами, министр финансов революционного правительства, – пояснил он, показывая фотографию гостю.

– Очень интересно, – вежливо заметил Дронго.

– А вот другая фотография, – достал следующую карточку Казым Арсенович. – Здесь мой отец с самим Мирзой Ибрагимовым. Тот был не только известным писателем, но и председателем Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки. На этой фотографии мой отец с братом-полковником, – показывал Казым Арсенович снимок. – Вы, наверно, слышали, что дочь моего брата вышла замуж за родственника Каджаров и они живут в Москве. Уже много лет. Вот на этой фотографии их семья. Ее муж, его брат, их отец и дед. Ее дедушка был немного не в своем уме. Он знал про алмаз, который хранился у нас, и все время доказывал,

что этот камень принадлежит их семье. Он умер лет двадцать пять назад. Но говорят, что он даже звонил ювелирам и всех предупреждал об этом камне. Мой отец всегда относился к нему как к обычному городскому сумасшедшему.

– А чем занимается муж вашей племянницы?

– И он, и она врачи. Он уже профессор, доктор наук, большой специалист. Известный хирург. Нет, по-моему, даже член-корреспондент Академии наук. Ему уже за пятьдесят. Очень умный и толковый специалист.

И еще минут двадцать он показывал фотографии, рассказывая гостю о деятельности своего отца в Иране и о членах своей семьи. Дронго вежливо слушал. Нужно было выбрать время, чтобы задать главный вопрос.

– Мой отец помог многим людям покинуть эти беспокойные районы, – продолжал рассказывать уже разошедшийся Шекерджийский. И тогда Дронго неожиданно спросил:

– Среди тех, кому помог ваш отец, был и ювелир Манукян?

Шекерджийский замер, словно споткнулся. Затем нахмурился, захлопнул альбом.

– Это выдумки наших недоброжелателей. Как будто мой отец помогал только Манукяну. Тот был просто их осведомителем, и мой отец обязан был ему помогать, когда Манукян собирался вернуться обратно в Европу. В архивах есть даже документы на Манукяна.

– Не сомневаюсь, – вежливо согласился Дронго, – но ведь

Манукян не просто покинул Иран вместе с семьей. Он еще и расплатился с вашим отцом, передав ему драгоценный камень.

Шекерджийский выпрямился. Глаза метнули молнии.

– Это глупые слухи, которые всегда распускали наши недоброжелатели, – грозно сказал он.

– Я понимаю, – примирительно согласился Дронго, – у вас могли быть недоброжелатели.

– Мой отец купил у него этот алмаз, и в нашей семье даже осталась расписка, – гневно заявил Шекерджийский, – и все рассказы про этот камень просто вымысел. Манукян понимал, что ему не разрешат вывезти этот камень из Ирана. Его могли ограбить и убить из-за этого алмаза. И тогда он решил продать его моему отцу. И они написали друг другу расписки.

– У вашего отца было столько денег, чтобы купить такой дорогой алмаз? – иронично осведомился Дронго.

– Он был тогда совсем недорогой, – возразил Шекерджийский, – отец купил его за какую-то символическую сумму, чтобы помочь Манукяну. Иначе алмаз попал бы к иранцам или американцам. По большому счету, мой отец просто спас эту ценность для нашей республики... И привез алмаз обратно в Баку.

– А потом этот алмаз хранился в вашей семье почти сорок лет, – кивнул Дронго, – пока вы не продали его Семену Измайлову.

– Откуда вы знаете? Я ничего не продавал. Кто вы такой? Откуда вы пришли? Прошло уже столько лет. Вас прислал Измайлов? Откуда вы об этом узнали?

– Семен Измайлов умер три месяца назад, – сообщил Дронго, – он ничего не мог бы мне сообщить. Но алмаз у него украли. И поэтому никто и ничего не знает.

– Он его сам кому-нибудь продал, – разозлился старик, – он тогда нас обманул. Купил этот камень за двести восемьдесят тысяч долларов. Говорят, что настоящая цена алмазу – больше миллиона. Как можно было доверять ювелиру, я даже сейчас не понимаю, что тогда случилось. Он меня словно загипнотизировал.

– А зачем вы его продали?

– Как это зачем? Вы вспомните, что тогда творилось в Баку! Полный беспредел. Меня уволили на пенсию, и я получал шесть долларов. А у меня трое внуков и внучка, двое детей. И я всегда честно работал, никогда не брал взятки, не позволял себе ничего лишнего. Тогда у меня умерла супруга, с которой я прожил больше тридцати пяти лет. И тогда я решил, что должен продать этот камень, чтобы помочь своей семье. Я обратился к двум старым ювелирам. Расул-заде и Измайлову. У первого просто не было таких огромных денег. А Семен Борисович согласился купить алмаз. Он как раз собирался переезжать в Москву и продал свой магазин. Вот и все. А я, старый дурак, продал алмаз очень дешево. Но это моя проблема. Вас интересует мой отец или этот алмаз? – вдруг

спросил Шекерджийский и нахмурился. – Думаете, что я ничего не понял. Хотите узнать у меня подробности про этот камень. Но его у меня нет. И уже давно нет. Вы, наверно, из прокуратуры. Следователь? Или из Министерства национальной безопасности, так, кажется, сейчас называется бывший КГБ?

– Конечно, нет. Мне было интересно все, что касалось того времени, – попытался оправдаться Дронго. Старик был достаточно умным и проницательным человеком. С ним было трудно хитрить.

– Значит, вы все узнали. И выпили свой чай. А теперь можете уходить, – почти приказал старик, – и учтите, что этот алмаз никому не приносит счастья. Семья Манукяна так и не добралась до Европы. Она погибла во время крушения поезда. И мой отец всю жизнь страдал из-за этого проклятого алмаза, мучился, ждал, когда о нем узнают и его придут отбирать. Всю жизнь боялся и ждал. А потом мне сказал, и я тоже стал ждать. Бояться и ждать. Этот камень был как семейное проклятие, все время мы боялись, что за ним придут и его у нас отберут. Или украдут. Или убьют. А потом я продал его Измайлову и стал спокойно спать. Поэтому не ищите этот алмаз. Если он исчез, значит, так и должно быть. Уходите. Я больше не буду с вами разговаривать.

Дронго поднялся и, попрощавшись, вышел из комнаты. В прихожей у входной двери стояла внучка Шекерджийского.

– Не обижайтесь на моего дедушку, – шепнула она, – он

иногда хандрит. Но про алмаз лучше его не спрашивать, он сразу начинает нервничать. Считает, что продешевил тогда, продав его за гораздо меньшую сумму. Он до сих пор из-за этого нервничает.

– Я понимаю, – кивнул Дронго, – и все равно спасибо. Я многое у него узнал.

Глава 5

На часах было около трех, когда он позвонил Валиде на мобильный телефон, чтобы договориться о встрече. Дронго пояснил ей, что собирает материал об умершем Семене Борисовиче Измайлове.

– На какой предмет? – поинтересовалась женщина. – Что вы хотите о нем написать?

У нее был приятный, мягкий тембр голоса.

– Он был одним из самых известных ювелиров в нашей стране, – ответил Дронго, – я сегодня разговаривал с Расул-заде, узнавал у него про Семена Борисовича. Мне сказали, что вы его тоже немного знали. Поэтому я и решился позвонить вам.

– К сожалению, ничем не смогу вам помочь, – сухо прервала его Валида, – я плохо его знала... Извините меня.

Она отключила телефон. Дронго нахмурился. Начало было не очень многообещающим. Он решил позвонить во второй раз. Она долго не отвечала. Наконец ответила. Спокойно, не раздраженно.

– Что вам еще нужно? Я же вам сказала, что не знала его...

– Дело в том, что номер вашего телефона дал мне Борис Измайлов, племянник Семена Борисовича, – попытался объяснить Дронго, – и у меня не праздный интерес к этому человеку. Мне очень нужно с вами встретиться. И я прошу вас

мне не отказывать.

Она молчала. Секунды тянулись томительно долго.

– Вам действительно дал мой телефон Борис? – у нее дрогнул голос.

– Да.

– И вы действительно сегодня были у Расул-заде?

– Да. Вы можете позвонить и тому, и другому. Оба подтвердят мои слова.

– Хорошо. Тогда приезжайте. Вы знаете, где я живу?

– Конечно, знаю.

– И учтите, что я все равно проверю. Если вы мне соврали и хотите насобирать разных «жареных фактов» из жизни Семена Борисовича, то у вас все равно ничего не выйдет. Я вам ничего не расскажу. Сейчас журналисты потеряли всякий стыд. Простите меня, но я не имею в виду конкретно вас.

– Когда мне можно к вам приехать?

– Прямо сейчас. Наберите внизу тридцать четыре. У нас дверь с кодовым замком. Только набирайте вместе.

Дронго подумал, что эта женщина со сложным характером. Ее можно понять. В сорок с лишним лет она потеряла своего друга, человека, который брал на себя решение всех ее коммунальных и житейских вопросов. Теперь следовало научиться жить заново. Дронго отправился к ней домой и уже полчаса спустя поднимался к ней в квартиру. Она открыла сразу, словно ждала за дверью. На пороге стояла высокая красивая женщина лет сорока. Высокая грудь, несколь-

ко полноватая фигура, аристократическое лицо, холеные руки, красивые миндалевидные глаза с вишневым отливом. Густые каштановые волосы. Круги под глазами. Очевидно, она тяжело перенесла смерть своего друга. Женщина была в темном джемпере и длинной юбке. Она чуть посторонилась, пропуская его в квартиру. Внимательно взглянула на Дронго.

– Это вы мне звонили? – спросила она.

– Да, – кивнул он.

Она была ему почти по плечо. Учитывая, что он был очень высокого роста, для женщины она была высокой. В ней было не меньше ста семидесяти сантиметров. Он вошел в гостиную, обставленную современной дорогой итальянской мебелью, и присел на стул. Она села напротив.

– Вы не журналист, – утвердительно сказала Валида, – зачем вы меня обманули?

– Я не говорил вам, что я журналист. Я сказал, что собираю материалы об умершем ювелире. Меня обычно называют Дронго. Я частный детектив.

– И, видимо, хороший детектив, – усмехнулась Валида, – от вас пахнет дорогим французским парфюмом. Кажется, «Фаренгейт». Вы одеты в очень дорогой костюм, а обувь у вас, какую не сможет позволить себе обычный журналист.

– Мне кажется, что это вы частный детектив, а не я, – улыбнулся Дронго, – вы достаточно наблюдательный человек.

– Нет. Просто я художник-график, умею подмечать детали. Тем более такие выпуклые. Что вам от меня нужно? Зачем Борис дал вам мой мобильный телефон? Что вас интересует? Как умер Семен? Он действительно тяжело болел. Его никто не убивал, если именно это вас интересует.

– Нет, – ответил Дронго, – рядом с ним все время находился известный врач...

– Генрих Соломонович, – кивнула она, – прекрасный человек...

– И поэтому я уверен, что Измайлова никто не убивал. Я пришел к вам не из-за этого.

– Тогда зачем? Что еще вас может интересовать?

– Вы не были с ним в момент его смерти?

– Не была. Наверно, вы правы. Я должна была быть, но не была. Меня там не очень любили. Только Борис ко мне относился нормально. Остальные недолюбливали. Поэтому в Красную Слободу я ездила нечасто. Да и Семен не очень хотел, чтобы я к нему приезжала. Ему было стыдно выглядеть беспомощным и жалким. Есть такие мужчины, которые хотят остаться в памяти сильными и волевыми. Он не желал, чтобы я видела его в постели. И каждый раз, когда я к нему приезжала, он делал большое усилие, поднимался, брился, одевался и встречал меня так, словно с ним ничего не происходило. А потом падал без сознания. Об этом мне однажды рассказал Генрих Соломонович, когда мы вместе с ним возвращались из Красной Слободы в Баку. У нас был с ним та-

кой откровенный разговор. Так можно разговаривать только с врачом или священником. И тогда я решила больше не мучить Семена. Вот поэтому меня там не было в момент его смерти. Но на похороны в Баку я успела.

– Я знаю, – кивнул Дронго, – мне об этом рассказали. Меня интересует другое. Вы знали, что в начале девяностых Семен Борисович собирался отсюда уехать?

– Мы тогда с ним не были знакомы. Но я об этом слышала. Он послал Асифа в Санкт-Петербург открывать там свой фирменный магазин, а вслед за ним послал Бориса в Киев. Хотел создать империю Измайловых. Сам думал перебраться в Москву. Но потом передумал. Решил остаться в Баку.

– И потом продал свой магазин своему же помощнику?

– Он продал его в рассрочку, чтобы Зинур мог постепенно его выкупить. Помогал ему советами, посылал клиентов. В общем, сделал все, чтобы Зинур Марчиев стал ведущим ювелиром в этом городе.

– Вы говорите об этом с некоторым сожалением.

– Да, возможно. Я считала, что Семен сам мог бы вести свои дела. Или вызвать кого-то из племянников. Но он принял решение и передал все дела в Баку этому Зинуру.

– Которого вы недолюбливаете?

– И не скрываю этого. Вернее, он недолюбливает меня. Считал, что я пытаюсь завладеть богатствами Семена Борисовича. Не доверял мне и все время интриговал против меня.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Однажды случайно услышала, какие гадости он говорил про меня Семену. Но тот был всегда выше этих сплетен и не обращал на них никакого внимания. Одинокую женщину, которая растит сына без мужа, легко обидеть словом. И тем более подозрением.

– Сплетни были связаны с вашим прошлым? Извините, что задаю вам этот вопрос.

– Да, – подняла голову Валида, – я начала встречаться с Семеном Борисовичем, когда мне было далеко за тридцать. А ему под шестьдесят. И я никогда не была ангелом. Жила так, как считала нужным. Ничего лишнего я себе не позволяла, но и затворницей тоже не была. И учтите, что мы с ним явно вышли из подросткового возраста. И у меня был уже взрослый сын.

– А где он сейчас?

– В Англии. Учится на дизайнера. Ему уже двадцать два года. А тогда было только четырнадцать. И мы жили в другой квартире. Хотя я знаю, что скоро отсюда перееду. Через две недели, если быть точной.

– Семен Борисович купил вам эту квартиру в новом доме?

– Да. Я думаю, об этом вам тоже успели рассказать. И все, что здесь есть, тоже купил Семен Борисович. И моему сыну он помог уехать в Англию, оплачивал его обучение. А теперь... теперь я сдаю эту квартиру, чтобы иметь деньги на обучение сына. И сама перееду совсем в другое место. Вот так, господин Дронго. Все в нашей жизни когда-нибудь за-

канчивается. У меня было полное ощущение, что я жила в раю целых восемь лет, за исключением последних шести месяцев. Но все хорошее когда-нибудь кончается.

– Вы его любили?

– Это была не обычная любовь в привычном ее понимании. Мы уважали друг друга, нам было комфортно вместе, уютно, спокойно. Он был очень начитанным человеком, интересным, со своим неожиданным взглядом на привычные проблемы. Любой женщине было бы с ним интересно. Он не был прижимистым, в том смысле, в каком бывают ювелиры. Но цену деньгам, конечно, знал. Ко мне относился прекрасно. И к моему сыну. По-моему, я ему нравилась. Или он меня любил. Называйте как хотите.

– Вы ездили с ним в Израиль?

– Об этом тоже успели сообщить, – горько усмехнулась она. – В общем, вела себя как обычная содержанка. Ездила. И поэтому твердо решила, что никогда не выйду за него замуж, хотя он и предлагал.

– Почему?

– Не будем обсуждать детали. В поездке человек раскрывается чуть больше обычного. Он был почти идеальным другом, но как муж он бы меня раздражал. Или я бы его раздражала. Нам бы следовало иногда отдыхать друг от друга. Поэтому мы с ним виделись не так часто, как могли бы.

– Только из-за его характера?

– Не только. Но учтите, что в последние годы он плохо

себя чувствовал. Сказывалась и химиотерапия.

– У него были и другие проблемы? Я имею в виду мужские? Извините, что спрашиваю, но мне важно понять его состояние в последний год жизни.

– Были, – вздохнула она, – может, поэтому он так ко мне относился. Он часто ничего не мог сделать... Как мужчина... В последние годы вообще ничего не мог. Но я не настаивала. Я ему помогала... Если вы понимаете, о чем я говорю.

– Понимаю, – кивнул Дронго.

– И от этого он страдал еще больше, – сказала Валида.

– Могу себе представить. Скажите, вы знали, что в начале девяностых он вложил большую часть своих денег в крупный камень, который купил в Баку у одной известной семьи?

– Об этом знает весь город, – улыбнулась она, показывая свои красивые ровные зубы. Или это были имплантаты? – Он купил алмаз у Шекерджийских.

– Вы его видели?

– Видела. Один раз я попросила его мне показать. Сказала, что об этом алмазе все говорят. Он рассмеялся и пообещал мне его показать. Мы тогда были в его бакинской квартире. И когда однажды мы оказались в Красной Слободе, он мне его показал. Большой алмаз, чуть желтоватого цвета, с какой-то надписью. Я была даже немного разочарована, мне казалось, что он должен быть какой-то особенный, более крупный, более интересный. По-моему, Семен даже обиделся, когда я ему об этом сказала. И больше никогда не пока-

зывал мне этот камень.

– Значит, в своей бакинской квартире он вам его не показал?

– Нет. По-моему, он хранил его там, в своем доме, в Красной Слободе. Но я больше ничего не знаю.

– Если бы вы увидели этот алмаз снова, вы бы его узнали?

– Думаю, что да. А он у вас?

– Нет. Он исчез из дома Семена Борисовича...

Она прикусила губу.

– Его украли, – убежденно сказала Валида.

– Кто это мог сделать?

– Конечно, кто-то из его окружения. Хотя... подождите, – она нахмурилась, мрачно взглянула на своего гостя, – я только сейчас поняла. Вы не просто так пришли ко мне. Вы уверены, что этот алмаз могла украсть только я. Поэтому вы пришли именно ко мне? Считаете меня воровкой. Вам наверняка подсказали. Ведь рядом с умирающим были только его родные и близкие. А из чужих его иногда навещала только я. Все верно. Там решили, что я должна умирать с голоду после смерти Семена Борисовича. А я отправила сына в Лондон уже учиться в магистратуру. И тогда они решили, что я ukrала этот несчастный алмаз. Поэтому вы и пришли ко мне? Хотите устроить у меня обыск? Или узнать, как я ukrала этот камень? Только вы ошиблись. Я ни у кого ничего не крала. И тем более не смогла бы украсть ничего у Семена. Мы были с ним настолько близки, насколько это можно себе

представить. Если вы полагаете, что можете обыскать мою квартиру и найти этот алмаз, то приступайте. Можете даже вызвать сюда сотрудников полиции, чтобы и они вместе с вами обыскали мою квартиру. Вы, наверно, думаете, что, если я позволила покойному купить мне эту квартиру, значит, я уже совсем потеряла совесть. И способна на любую пакость, на любое преступление. Вы так полагаете? Вы так решили и поэтому пришли именно ко мне?

– Вы не даете мне ответить, – спокойно произнес Дронго, – слишком длинный монолог. Успокойтесь, пожалуйста. Если бы я вас подозревал, то не стал бы так настаивать на нашей встрече. И каким образом вы могли украсть этот камень, если не были в их доме в Красной Слободе в момент его смерти. Вы ведь приехали уже на похороны, в Баку. А насчет вашего сына... Я думаю, было бы не так сложно узнать, что вы решили сдать свою квартиру и уже наверняка получили деньги вперед.

– Верно, – она вздохнула, вытерла набежавшую слезу. – В общем, он был очень неплохим человеком. И жаль, что все так получилось.

– Вы уверенно сказали, что камень могли украсть. Кто его мог украсть, по-вашему?

– Я просто обмолвилась. Не хочу ничего говорить...

– Но вы уже сказали. Простите, но это явно не тот случай, когда вам нужно играть в благородство. Итак, кого вы подозреваете?

– Алмаз не мог украсть никто из посторонних, – вздохнула Валида, – Семен был достаточно проницательным и умным человеком. Я убеждена, что он прятал его где-то в тайнике, в своем доме в Красной Слободе. И никому об этом не говорил, даже мне. Никому. Может, только своим племянникам, он их любил, как своих детей. Хотя Асиф достаточно сложный и неуравновешенный человек. У него бывают нервные срывы, приступы из-за его большого давления. Борис более спокоен, надежен, может все взвешивать, рассуждать. Семен Борисович их очень любил. Но они бы никогда не стали красть этот алмаз, хотя бы потому, что они очень дружат друг с другом и камень все равно должен был остаться в семье.

– Тогда кто? Вы сказали, «кто-то из окружения»?

– Любой из него, – с некоторым ожесточением заявила Валида, – кто угодно. Только не доктор Мильман. Он святой человек, делал все, чтобы облегчить муки Семена Борисовича. А остальные... типичные нахлебники. Я вам говорила, как меня не любил Зинур Марчиев. И не подумайте, что я хочу ему отомстить. Но он единственный профессиональный ювелир из окружения Семена Борисовича. И он мог украсть этот камень, зная его реальную цену.

– Кто еще?

– Вы хотите, чтобы я назвала вам их поименно. Каждый из них был по-своему «себе на уме». Хуршида с ее полуобразованным сыном Туфаном, который так любит давать свои

советы. Этот наглый водитель Иса, который всегда отвозил меня с таким видом, словно делал одолжение. В общем, там было достаточно людей, которые могли воспользоваться его положением и украсть этот алмаз.

– Они вас не любили, – произнес Дронго.

– Не любили. Им казалось, что каждый раз, когда он тратит на меня свои деньги, он отнимает долю именно у них. Они считали, что им может достаться гораздо больше, если меня не будет рядом с ним. Представляю, как они злились, когда он решил купить мне эту квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.